

СТЕПЬ ДА СТЕПЬ КРУГОМ...

1.

Уже вторую неделю кавполк безмятежно отдыхал на затерянном в степи хуторе.

По вечерам, когда сваливалась жара и по улицам ложились густые тени тополей, политушки проводили по эскадронам занятия.

А ночами отдохнувшие бойцы с гармошкой и песнями шатались по хутору и случалось, уже затевали из-за девок драки.

Командир полка Иван Чернояров, выслушивая от злого ординарца Шалима доклады о тех сваргах, недовольно ворчал:

— Пора бы и за дело браться... Самый раз... У хлопцев кровь застоилась, осатавели от скуки.

Но штаб дивизии молчал.

2.

Иван Чернояров давно искал встречи со своими станичниками, что не захотели служить революции и пошли под трехцветные знамена «единой и неделимой».

И вот наконец-то конная разведка доставила на хутор языка, от которого с точностью было вызвано о стоявшем в недалеком селе пластуном батальоне Запорожского полка.

Чернояров возликовал.

Вся подготовка к набегу была проведена в полном секрете и в кратчайший срок.

Была темная августовская ночь. Тишина нарушалась лишь редким лаем собак да доносившимся с речки немолчным гомоном лягушек. Небо было забрано грозowymi тучами, и меж туч лишь где-где прыдала робкая звезда.

Трубач проиграл сбор.

Спавший до того мертвым сном хутор выиг ожил: в окнах хат зажеглись трепетные огоньки, захлопали двери, заржали кони, тирывали хриплые спросоны голоса; не прошло и полной минуты, как со дворов уже вылетали всадники и устремлялись к условленному заранее месту сбора — за сады, к ветрякам.

Полк выстроен.

Бубнят низкие голоса, в зубках вспыхивают раздуваемые ветром цыгарки, всхрапывают кони, чуя дорогу.

Чернояров вполголоса — в пять слов с половиною — объясняет окружившим его эскадронным командирам и ближайшим своим помощникам предстоящую задачу.

Эскадронные раз'езжают по своим местам, подают команду, и полк трогается к речке.

Выпайвают коней на дорогу, потом эскадрон за эскадроном вытягиваются за хутор, на плях и, сопровождаемые неисто-

— От тучочки, Иван Михайлович, — шепнул старый Бурульбаш, и под бледным светом звезды блеснула влета в его ухо серебрянная серьга.

И действительно, проехав еще немного, Иван различил в указанном направлении смутный контур кургана. Он очертил собравною в руке шпेतью быструю петлю и тихонько свистнул.

Бурульбаш все понял.

Он крутнул коня и замешался в движущуюся конную массу, а через какую-нибудь минуту его полусотня, оторвавшись от полка, пошла наметом прямо по хлебам, обтекая курган с обеих сторон, чтобы захватить, по возможности без шума, неприятельский дозор, если таковой там засел, да чтобы немедля выпытать у тех дозорщиков пароль.

Иван ослабил в ножнах шашку и выдернул из коробки маузер.

И следовало бы подождать Бурульбаша, но было уже некогда: заметно начала редеть ночная темень, была дорога каждая доля минуты.

Сразу за курганом должно было быть село, и еле слышный редкий собачий брех уже доносился оттуда.

Полк остановился.

Иван отдал последние распоряжения, а сам с полусотней осторожно двинулся вперед.

И сейчас же за ним, в некотором отдалении, двинулись уже перестроенные в боевой порядок эскадроны.

В стороне кургана вспыхнул короткий крик, блеснул один-другой выстрел, и там все смолкло.

И — почти одновременно — впереди испуганный окрик:

— Кто идет?

— Свой, — глухо, волнуясь, отозвался Иван.

— Пароль?

— Рубай! — подал Иван команду и, выдернув шашку, ринулся с полусотней на заставу белых.

В мгновение ока заставка была перерублена.

4.

На храпящем кабардинце подсакал Бурульбаш и начал было рапортовать:

— Так что, Иван Михайлович...

Но впереди уже слышались чужие голоса, и некогда было слушать Бурульба-

Артем Веселый

РАССКАЗ

Неожиданно дело приняло для пластунов худой оборот: в самом центре своего р'аса пол ожения они имели целый кавполк.

Стрельба на минуту захлебнулась.

Всадники — одни направо, другие налево — кинулись по фронту, работая шашками и горлаия:

— Ложи оружие!.. Сдавайся, гады!..

Но в следующее мгновение с новой силой разгорелась стрельба и — пошла потеха.

Водоворот боя.

Там, поддетый пластуном на штык, вылетел из седла Семен Зряхов, первый в полку песенник.

Тут упал с рассеченной головою, задрыв рыжую бороду, пластун Яков Дубонос.

Горячая пуля чмокнула в переносицу рыбака Остана Калайду, и оспротела его белая хатка на берегу моря, под Таганрогом.

Опрокинулся навзничь и выпучил остановившиеся глаза сотник Петро Цабераый — пожалел теперь о его кудрявой голове не одна молодая казачка Вейсурского юрта.

Под казаком Игнатом Забуженко кобыла сломала ногу, понав ногою между спицами колеса. Игнат упал вместе с кобылою и, запутавшись в стремени, не успел сразу вскочить — он был затоптан конями.

Рядом с ним лег поручик Стрижевский. Еще не успеет как следует разгореться день, а по его измазанному запекшейся кровью, мертвому лицу уже поползут мухи; зернистые спелые мухи набьются в ноздри и в полураскрытый поблекший рот, который еще так недавно и с таким азартом целовала в Армавире какая-то девчонка...

Как косарь идет, косою играя и оставляя за собой широкий прокос, так и Иван Чернояров, с молниеносной быстротою работая шашкой, прорубался через самую гущу врагов.

Вдруг он увидел на одном из возов своего родного брата Василия, того самого, что давно уже оторвался от казачьего рода и жил в городе и в городе имел свою торговлю. Стоя на возу, он отбивался железной лопатой от наседавших на него Никиты Чубаренко и Петра Галагуры.

Иван метнулся к брату и закричал:

— А ну, хлопцы, осадил!.. Я с ним сам расправляюсь!

Чубаренко и Галагура осадили.

черную дырочку дула... Шелкнул курок...

И вот — то ли наган дал осечку, то ли в нем уже не оставалось ни одного патрона, чего Василий впопыхах не заметил, — выстрела не последовало...

Он поднял над собой руки и дико-страшно закричал:

— Ваня... Братец...

Ударом шашки Иван выбил у него из руки наган и осекшимся, чужим голосом туго выговорил:

— Молись, стерва.

И тогда случилось странное...

Громобой под Иваном, — быть может, испугавшись выражения глаз Василия, что еще не так давно был его хозяином, хралел, упирался и никак не хотел подойти к нему настолько близко, чтобы того можно было достать шашкой.

Иван прищипоривал Громобоя, но все было напрасно.

А Василий Михайлович, несмотря на свою полноту, вдруг легко закружился на возу и отмахиваясь от брата руками, точно от овода, залился каким-то кудахтающим смехом:

— Ванька, не балуй... Ванька, не лезь...

В глазах его, как пламя, вихрилось безумие, изо рта начала клубом выбивать пена.

«Спятил», — мелькнуло в сознании у Ивана.

Наконец он совладал с конем и рассек брата через плечо до пояса: ключица под шашкой хлопнула, точно револьверный выстрел.

Между тем пластуны бежали куда попало.

Кавалеристы гонялись за ними по степи и секли их клинками.

Первый эскадрон под командою Юхима Загоры уже ворвался в село, по широким улицам которого метались обозы.

Бой закончен.

Горнист играет сбор.

Отовсюду на рысях сгоняют пленных, подбадривая их плетями и озорно покрикивая:

— Шире шаг!

Иван спрыгнул с седла, чтобы немного поразмяться, и, бросив повод своего коня Шалиму, спросил его:

— Ну как, кулак, жарко?

— Уф, Ванушка, жарко, — ответил тот, отирая рукавом черескис пот с заветренного лица.

— Велик ли урон?

— Чотири гроба, семнадцать раненый.

вым собачьим лаем, пропадают в темной степи.

3.

Полк шел переменным аллюром.

Впереди смутно белел степной шлях, по сторонам волнуемые ветром шумели хлеба.

Мягко погромыхивали колеса пулеметных гачанок, звякали удила, подковы, пулеметные щиты. Встречный, довольно ровный ветер заглушал все эти звуки.

Время от времени из головы колонны в хвост передавалась негромкая команда:

— Не ку-ри-и-и-ть... Кашляй в шапку-у-у...

Иван, как и всегда, был впереди полка. Под ним поскрипывало новое, еще не обмятое седло. Громобой — так звали его жеребца — бодро потряхивал сухой головой, прося повода. Стремя в стремя с командиром по один бок ехал верный Шалим, по другой бок — трубач.

Иван перед боем, как перед прыжком в холодную воду, весь был собран, серьезен... Но душа его была пьяна: атака была его любимая игра. Вот уже третий год, как он непрерывно находился в огне — Иран, Украина, Кубань. Он заблевал дикой тоской, когда подолгу не было боев, и только после хорошего дела веселел, орал вместе с бойцами нехитрые походные песни и на дневках переплясывал самых удалых плясунов.

Так полк двигался часа два.

Засерел рассвет, но еще настолько слабо, что и в десяти шагах всадник был еле различим.

И не было еще никаких признаков села.

«Опоздали» — эта мысль уже мелькала кое у кого в голове.

Вот-вот готовый вспылить Иван обернулся к начальнику конной разведки Бурульбалу и недовольно буркнул:

— Ну, где ж твой чортот курган?

ша.

Иван, привстав на стременах, гаркнул:

— По-о-олк, шапки к бою!

Горнист повторил на рожке приказание командира.

Полк пришел в движение.

Однако, проскакав не более сорока сажен, Иван наткнулся на залегшую в неглубоких окопах цепь противника: несомненно, что пластуны были уже предупреждены кем-то о готовящемся набеге.

Тревога, первые — в разной — выстрелы.

Степь ожила.

Ириво в лоб — веером каленого горюха — брызнул неприятельский пулемет.

Иван с полусотней, потеряв несколько всадников, отлетел в сторону.

Скачущий за ним следом эскадрон затоптался на месте, не зная, то ли спешиваться и класть коней, то ли кидаться в атаку.

Полк был открыт... Успех налета заколебался, точно на острое ножа...

— По-о-о-олк, за мной!

Иван с полусотней стремглав поскакал по неглубокой ложбинке вдоль неприятельской цепи.

Эскадроны, спутав всякий порядок, рванулись за ним.

Степь загудела от конского топота.

Пулеметы белых, видимо, заранее пристрелянные, поливали шлях, на котором уже не было ни одного всадника.

Наконец — на стыке двух рот — Иван скорее угадал, чем увидел, разрыв, прогали и кинулся в него со своей полусотней.

За ним, расширяя брешь, как прорвавшаяся вода, хлынул первый эскадрон, второй эскадрон, весь полк.

Полыхнуло короткое:

— Ура-а!

И дальше подхватили:

— А-а-а...

Василий с непостижимой быстротой выхватил из кобуры наган и вскинул его.

Иван на мгновение увидел перед собой

Иван раскурил трубку, вскочил в седло и — с места взяв с копытка — поска-

кал в село.

Легкая инициалы
25 февр. 1936 г.